

Олег Борисенко

ЗВЕЗДЫ НАД ЯМАЛОМ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Олег Борисенко
Звезды над Ямалом

«Автор»

2022

Борисенко О. А.

Звезды над Ямалом / О. А. Борисенко — «Автор», 2022

Капитан запаса по воле судьбы попадает во времена освоения Сибири отрядом воеводы Афанасия Пашкова. Его ждут приключения и испытания. Он не просто попал в другой мир, ему предстоит изменить ход событий, примирить врагов. В этом ему помогает Иван Сотников и старец Никита. Роман "Звезды над Ямалом" является завершительной частью трилогии "Звезды над Урманом". Содержит нецензурную брань.

© Борисенко О. А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

26

Олег Борисенко

Звезды над Ямалом

Февраль 2006 года.

Полуостров Ямал.

Юрка замершими пальцами дернул за шнурок, петля развязалась, и задубевшая на морозе полиэтиленовая пленка волнами размоталась из рулона. Встав на колени, беглец ловко ею укрылся.

– Успел, – нервно улыбнувшись, выдохнул он.

Где-то в ночном морозном небе молотил лопастями вертолет. Его не было видно, и только мигающая лампочка в районе Полярной звезды выдавала расположение винтокрылой машины.

Этот способ уйти от лучей имеющегося на борту тепловизора Юра знал давно. Таким образом укрывались боевики в горах от обнаружения их поисковыми вертолетами. Теперь же капитан испытывал уловку «духов» на себе. В условиях полярной ночи обнаружить в тундре одинокого человека – все равно что найти иголку в стоге сена. Но при наличии современной аппаратуры ничего невозможного нет. Поэтому, лишь только заслышав рокот приближающейся вертушки, он присаживался и, стараясь не дышать, укрывался пленкой. Тепловизор, выдающий на экране даже силуэты мышей, не мог теперь обнаружить человека, укрывшегося пленкой. Как говорится, и на старуху бывает проруха. На любое действие есть противодействие. Даже солдатские шинели времен Советской армии были неуязвимы для приборов ночного видения, потому-то и носили их боевики в первую чеченскую: не потому, как думали генералы, что носить им нечего, а потому как ворс, говорят, специальный был, а наши бойцы, одетые в бушлаты, ловили в темноте пули от снайперов с ночными прицелами.

На этот раз вертолет прошел стороной. Да и судя по характерному свисту винтов – «фить, фить», скорее всего, это был Ми-6. Навряд ли грузовой вертолет будут использовать для поиска одиночного человека. Шибко уж дорогое это удовольствие для прокурорских следователей и оперов службы собственной безопасности.

Другое радовало: ночной вертолет показал путнику направление движения. Запасы еды заканчивались, и нужно было выходить к людям.

Вчера его подвез водитель тягача-трубовоза, но перед КПП частного охранного предприятия Юрику, не имеющему пропуска на объекты «Газпрома», пришлось покинуть теплую кабину и уйти в сторону. В итоге он в потемках сбился с пути и обратно к зимнику не вышел. И вот теперь пролетевший вертолет вселил надежду. Да и на горизонте появилось зарево от горевшего факела.

Капитан двинулся в сторону мерцающего красным цветом горизонта.

Злоключения его начались еще в двухтысячном году: когда их засада задержала в Грозном троих боевиков, устанавливающих фугас на улице Восьмого Марта. Духов доставили во временный Отдел внутренних дел Октябрьского района. Но приехавшие утром «фейсы» всех трех вывезли в Ханкалу. Все бы хорошо, но террористов больше не видели – ни живых, ни мертвых. По заявлению родственников в прокуратуре завели уголовное дело. В ходе расследования всплыл Юркин наградной лист к медали «За отвагу», в котором подробно описывался момент задержания, фамилии задержанных, число и время доставления боевиков в Отдел внутренних дел. Так и стал Юрий Алексеевич подозреваемым и объявленным в розыск. Ко

всем несчастьям, через четыре года пришел приказ о его увольнении. Руководство УВД посчитало, что так будет лучше, чем ссориться с прокуратурой Чеченской Республики.

Только вот капитану, не дослужившему полтора года до пенсии, от этого лучше не стало. А четыре недели назад приехавшие сотрудники службы безопасности со следователем чеченской прокуратуры пытались установить место нахождения разыскиваемого. И Юрка, как говорят жулики, встал на лапу.

Добравшись на попутках до Салехарда, он решил затеряться среди вахтовиков. Благо, что трудовая книжка и другие документы на чужую фамилию были сделаны загодя. Об этом он позаботился еще года три назад, когда в Нижневартовске арестовали сотрудника, в одно время бывшего с ним в служебной командировке. Да что Нижневартовск, по всей России прокатилась тогда волна уголовных дел, наскоро сшитых прокуратурой Чечни с одобрения Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

От тяжелых раздумий беглого капитана отвлекло малозаметное движение. Юрий, остановившись и присмотревшись, тихонечко взял карабин на изготовку. Скинув варежку, которая повисла на резинке под рукавом, он осторожно опустил планку предохранителя.

– Лишь бы не белые медведи, – прошептал он замерзшими губами.

Но темных шевелящихся холмиков было достаточно много. Медведи в таком количестве вместе не собираются.

– Олени, – догадался Юрий Алексеевич, вернув планку предохранителя на место и закинув ремень карабина на плечо.

Стадо на появление человека почти не отреагировало. Снег тут был утоптан животными, и Юра, почти не проваливаясь, пошел на запах дыма.

Вскоре из темноты выплыли и очертания чума.

Капитан, отодвинув шкуру, прикрывающую вход, буквально ввалился в жилище оленевода.

Последние силы покинули человека, и он, нащупав под коленями шкуры, не снимая карабина с плеча, завалился набок.

– Тепло-то, хорошо, как, – засыпая, пробормотал беглец.

– И кто тама-ка пришел к Елейке гащивать? – раздалось из темноты.

Но в ответ Елей услышал только богатырский храп.

Старик поднялся и, подойдя к гостю, осторожно сняв с плеча карабин, укрыл спящего шкурой.

– Пищаль интересная, ствол тонкий, и кремня не видать, – повертев оружие у огня чувала и отложив его в сторону, проворчал старый охотник.

Елей понимал, что находится в ином мире и что здесь все по-другому, не так, как там, где остались его малолетний внук, бояре и дьяки.

– Нынче спокойней как-то. Плетями не бьют, допросы не чинят. Есть у меня олени, много оленей. Теперь я богач, – рассуждал вслух старый охотник, подбрасывая в чумал куски мха и кирпичики торфа. – Пятнадцать лун назад приезжала сюды железная повозка. Спросили, как зовут меня, давно ли пасу оленей, не брошу ли животных летом. Выдали тут же бумагу с красной тамгой и гербом двухголовым. Очень симпатичная боярыня в собольей шубе принесла красный ящичек, записала в грамотку мое имя и показала пальчиком, куды поставить галочку. Опосля грамотку скинула в щелочку ящичка, потрясла мне, старику, руку и приказала своим холопам кучерить далее. Железная повозка с ревом и грохотом унеслась, распугав рядом пасущихся оленей. А я остался, – подбрасывая хворост в чумал, вслух сам с собой рассуждал Елейка.

Между тем наступало утро.

– Дедушка, дай воды, – раздался за спиной голос проснувшегося гостя, выведя из раздумий Елейку.

– А, проснулся, гость полуношный? Сейчас подам тебе водицы. Куды путь держишь, соколик? Уж больно не похож ты на государева человека. Скорее на вурдалака беглого походишь.

– Я и есть вурдалак, дедушка, беглый. И бегу от государевых слуг куда глаза глядят. Только нагоняют меня. Того и гляди поймают, – вздохнул Юрка, отдавая черпак хозяину чума.

– Я помогу тебе, мил человек, но за одну услугу.

– Исполню, если по силам, – кивнул беглец.

– Приведешь мне сюды из-за колдовского камня моего внука, совсем без молодых рук мне тяжко. А ему там одиноко. Чаёт, сгинул я в сидухе^{1*}. Да и он никому без меня не нужен. Пропадет без меня.

– Далеко это?

– Нет, в трехстах саженьях от чума – камень колдовской, чуть посветлеет, и пойдем к нему. А по дороге я тебе, мил человек, объясню, как внука моего отыскать на стойбище.

1631 год.

Край земли.

Проверив упряжь, Антип обернулся к Яне, сидевшей на нартах.

– Ну што, горемычная, в добрый путь?

– Давай, казачок мой ненаглядный, трогай.

– Куды повелишь кучерить? – улыбнулся десятник.

– На Кудыкину гору, – отозвалась в задумчивости ворожея и, помолчав, добавила: – На Холмогоры нам никак нельзя, в Тобольский острог мне путь закрыт и подавно. Мож, на Дон подадимся?

– Там тоже воли нынче нет, зажали вольный народ. Атаманы ныне, хлебушком прикормленные государевым, беглых более не принимают.

– Так тебе же отставку дали, какой же ты, Антипушка, беглый?

– А ты, Яна?

– Я жена тебе, и весь сказ. Была Яной, стану Анной. И сын при тебе. Кто же заподозрит неладное? А ехать надобно нам на Яик-реку и через Астраханское царство морем к Волге выйти. А там по волоку и до Дона доберемся. Платок-то с чертежом Сибири и всея Руси я хоть и отдала боярину Мезенцеву, но помню его наизусть, чай сама вышивала. Авось не заблудимся.

– На авось надежи мало, но коли помнишь чертежи, тогда трогаем, а то уж полдень, а мы все у колдовского камня на месте топчемся, – согласился Антип и крикнул Емельке: – А ты, сынку, гони вослед нам вторую упряжку, да не отставай.

– Изволь, тату, – озорно рассмеялся Емелька, который слышал разговор взрослых, – сынку, так сынку.

Олени, фыркнув и косясь на погонный шест, рванули нарты так, что ворожея плюхнулась на спину и, если бы не стоящий на полозьях сзади отставной десятник, вывалилась бы под копыта второй упряжки.

– Эй! Не балуй! Анчихрист! – рассмеялась женщина, поправляя юбки.

¹ * Сидуха – тундра.

Вскоре у камня улеглась снежная пыль, и лишь следы от полозьев напоминали о недавнем присутствии людей.

Коснулось земли полярное солнце, давая жизнь зарождающейся ночи. В морозном предзакатном воздухе на некоторое время проявился колдовской чум, перед которым из снега вышался одинокий камень.

Москва

«Царю-государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси бьет челом холоп твой Афонка Мезенцов. По твоему государеву указу в нынешнем во 136 году сентября во второй день в Розряде я, холоп твой, большой чертеж сделал, и мне, холопу твоему, в Розряде твои, государь, дьяки велели чертежей, что я, холоп твой, сделал, против старого чертежу морю, и рекам, и городам сделать роспись и по росписи чертежи справить. Милосердный государь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй меня, холопа своего, вели мне дать корм, покамест напишу всему чертежу роспись, царь-государь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, смилуйся, пожалуй».

Боярин Мезенцев отложил перо и задумался. Написать ли государю про платок ворожеи? Не вызовет ли это гнев великого князя? Ведь упустил шельму, не доставил душегубку в Воровской приказ. Пожалуй, не стоит этого делать, ведь не всегда правда в пользу, бывает она и во вред.

Афанасий, кряхтя, поднялся с лавки, открыл дорожный сундук и, чуть покопавшись, вынул сверток. Прислушался к звукам постоянного двора, постояльцы которого уже уgomонились.

Боярин подошел к печи и, открыв дверцу, сунул на еле мерцающие угли платок ворожеи.

– Чертежи я перенес на бумагу, а платок хранить незачем. Вдруг кто прознает и донесет? Тогда беды точно не миновать, – решил боярин.

Пахнуло расплавленным шелком. Печь на миг загудела и замолкла, курнув в поддувало дымком.

Афанасий приоткрыл душку хайла, выпуская дым в колодец печной трубы. Дождавшись, пока гарь выйдет, снова задвинул заслонку. Дело было сделано, можно и ложиться почивать, ведь утром предстояло идти в приказ и составлять список земли Русской.

В кремлевских палатах не спал и государь всеа Руси. Склонившись над чертежами новых часов, он изучал устройство механизмов. Часы должны были установить в нынешний год на Фроловской башне. Главные часы Руси со звонницей. И государь пожелал лично изучить сие творение.

Глава 2

2006 год.

Полуостров Ямал.

– Вот и пришли, мил человек, – остановившись у камня, на котором что-то было написано, объявил старый Елейка.

– Могила что ль? – поморщился Юрка.

– Это для них могила, чтоб не совались сюды, – показал рукой в сторону буровой старый охотник, – а для нас с тобой камень чародейный. Через него ты и окажешься в колдовском чуме. Так что сымай свою чужеземную робищу и надевай портки боярские, кафтан и малицу.

Юрка склонился над нартами, которые они приволокли к камню от чума оленевода.

– Из какого театра наряд-то, дедушка? – удивился капитан. – Ты это каких бременских музыкантов раздел?

– Боярина Мезенцева это вещи, когда я от погони утекал, нарты с оленями взял его, спутал в потемках со своими.

Юра, присев на нарты, перебирал вещи:

– Дивно это как-то, ну прям во сне я, ну не может быть, что ты, дед Елей, с другого века сюда заявился.

– Может, мил человек, может. Ты бежишь туды, а я оттуда.

1631 год.

Антип принес из темноты охапку хвороста и бросил ее у костра. Присев на лежащий ствол дерева, он с наслаждением погрел руки над пламенем.

– Дядька Архип, ты давеча байку обещал рассказать про лошадь поповскую и про переполах в Тобольске, – толкнул его в бок Емелька.

Отставной десятник усмехнулся в усы, погладил бороду и, кивнув на спящую на нартах Яну, шепнул подростку:

– Мамка услышит, оба кнута получим. Потому как непристойно сие.

– Да спит она.

– Ну коли спит, тогда слушай. Был у нас в походе жеребец по кличке Ак Байтал, что в переводе с языка кыргызов именуется «белый жеребец». Он и под седлом ходил, и в повозку впрягался. Смирен был, не жеребцового нрава. Ну и годков ему уже было немало, не до прыти уж. Не было с ним хлопот, окромя как нельзя его было допускать к овсу. Сколько не дай, все сожрет и сызнава добавки требует. Ненасытная тварина был энтот Ак Байтал. А тут в Чиги Туре прибился к нам в ватагу священник. Вот сотник жеребца-то и дал святому отцу. Мол, пользуйся. А про овес-то и запамятовал его упредить. Когда же в Тобольский острог прибыли, все по постоянным дворам разбрелись, а священник, как тому подобает, у церкву поехал. Прибыл, значит, и за стол попал к своим божьим людям. Пировали кои, желая побыстрее попадье разродиться, которая уж второй день маялась на сносях. Коня же у привязи оставил, значит. А там кормушка, полная овса. Наш-то Ак Байтал глазом повел, вдохнул ноздрями, а узда не пускает. Так он, шельмец, мордой узел продвинул по жерди и все ж дотянулся до дармовщины.

Архип подбросил в костерок хворосту и повернулся к Емельке:

– Не спишь, пострел?

– Не, не сплю, сказывай, дядько, далее. Жду, когда смеяться надобно будет.

– Вот шкода, все тебе смеяться нужно. А попу-то нашему не до смеха. Вышел на крыльцо, а конь лежит, объелся, стало быть. Сбежалась тут вся церковная братия, голоса, суетятся. А Байтал наш и голову уже поднять не может, очи закатил и язык высунул. Подыхат, значит. Нашлись все ж среди братии умные люди, кликнули они отрока-звонаря и заставили его прыгать на животе у жеребца. Прыгал малец, прыгал, мял живот Байталу, мял. И вдруг как пукнет наш Байтал, да так звонко, ако из «Единорога» пальнули. Тут же из окна крик роженицы и детский писк раздался. Наш Байтал попадью так шибко напужал, что разродилась сердешная.

Емелька звонко рассмеялся.

– Да погодь ты, это пока еще сурьезно, далее слушай, – толкнул в бок пасынка Антип. – Курьез-то впереди.

– Ведет под узды поп Байтала на постоянный двор, а тот через шаг – бах да трах, стрельцы из изб в исподнем на улицу выбегают с пищальями, татар высматривают да вверх для острастки палят, думают, что царевич Алей напал. Бабенка какая-то заверещала, пожар, мол. Другая: «Ховайся кто может!»

А наш поп знай себе ведет под узды жеребца, токмо под ноги взгляд от стыда потупил. Один только Ак Байтал, гордо морду задрав, пердит себе, да пердит на весь ночной острог.

Даже воевода Чулков и тот спросонья велел с крепостных стен залп дать из всех пушек для острастки, но пушкарки – народ сурьезный, вовремя разобрались, в чем суть переполоха, да не стали порох жечь.

Утром же караул доложил, что обнаружены свежие следы конного отряда со стороны сожжённой крепости Сузгун, но перед Иртышем отряд татар развернулся и ушел в степи. Видимо, напужал наш Байтал и татарский разъезд, который тайком хотел на посад напасть.

– Вот что мелешь-то! Ну не было ж такого! – рассмеялась Яна, которая давно уже слушала треп десятника, стоя за его спиной.

– Каюсь, про татарский разъезд сбрыхнул, а про Байтала – сущая правда, – повернувшись к ворожее, улыбнулся Антип и, прижав к себе Емельку, уже серьезно наказал: – Ты меня на людях таткой называй, а то погубишь мамку, себя, ну и меня пристежкой. Лады?

– Лады! – перестав смеяться, твердо, по-взрослому заверил Антипа Емелька.

2006 год.

Юрка прислушался. Вдалеке послышался рев работающего двигателя судна на воздушной подушке.

«Это по мою душу», – догадался беглый капитан.

– Они долго еще не подъедут, между нами овраг, его объехать можно только у шайтан-факеда, – показал старик рукой на мерцающее зарево.

– Скидавай скорей свое рубище заморское. Бери кафтан и портки в руки, – приказал Елейка. – Оденешься в чуме колдовском, не забудь моего внука найти в старом мире, – скороговоркой напутствовал капитана старый охотник.

И действительно, как и предполагал Елейка, свет фар повернул вдоль глубокого оврага, и невидимое в темноте судно двинулось в сторону кустовой площадки.

– Ну, мне еще в чум надобно возвратится поспеть, да твое рубище надеть. Пушай на первых порах спугают. Прощай, мил человек! – крикнул охотник и с силой толкнул в грудь Юрку. Капитан попятился и, потеряв равновесие, кувыркнулся через камень.

Судно на воздушной подушке остановилось у чума.

Сбросились обороты винта, и из открытой двери выпали по очереди на снег бойцы группы захвата.

Попарно, перебежками бойцы ринулись к жилищу оленевода.

– Лежать! Руки! – раздалось вскоре из чума.

– Пусти! Я новокрещен Елей! У меня грамота от самого царя Михаила! – донеслось до слуха вышедшего из кабины следователя прокуратуры.

Глава 3

Полуостров Ямал.

– Мой внук Тухтач каждый раз в последнюю ночь полной луны приходит к чародейному камню, он ищет меня, я знаю. И ты, мил человек, покажешь ему, как попасть в колдовской чум. Потому как, сколько не прыгай через камень, ничего не выйдет. Надобно задом кувыркнуться через его, – услышал вдогонку голос Елейки, кувыркаясь, Юрка.

Много ли прошло времени или мало, Юрка очнулся, лежа на спине. Осмотревшись, капитан разглядел над собой жерди чума. Поднявшись, он увидел в проем, как к чуму оленевода подъехало судно на воздушной подушке и из него, как горох, посыпались вооруженные люди. Нужно было уходить.

И он смело шагнул в другой проем.

Юрий огляделся. Все было по-прежнему. Снежная тундра, овражек, только не горел факел и исчезли очертания чума оленевода Елея. Светало.

Вдалеке появилась черная точка, и она неумолимо приближалась.

– Опять за мной? Да что ж это такое! Ну нигде не укрыться, – прошептал Юрий Алексеевич, хлопнув себя по бедрам.

Что-тобрякнуло на поясе, больно отдавшись по тазовой кости. Капитан распахнул полы шубы, сунул руку под кушак на кафтане. Достав кремневый пистолет, он осмотрел его.

– Вот блин! – усмехнулся беглец. – Калибр-то как у ракетницы. Подранков тут не будет.

Темное пятно увеличивалось, но звука работающего двигателя не было слышно.

– Странно, – удивился Юрка, присматриваясь вдаль.

И только когда точка повернула вдоль оврага, капитан разглядел в предрассветном тумане упряжку из двух оленей.

У Юрки отпустило на сердце.

– Ну и хорошо, чему быть, того не миновать. Уж, поди, лучше, чем сидеть в Чернокозово в одной камере с боевиками. Эх, мать Родина! Пошто ты гнешь родного сына! – рассмеялся капитан, окая и подражая старому говору, который он помнил по историческим фильмам.

Упряжка остановилась у камня. Ей управлял подросток.

– Боялин, ты откель здесь взялся? – настороженно спросил мальчик, прыгнув с нарт и оглядев снежную пустыню.

– От деда твоего, Елея, поклон принес из-за чародейного камня.

– А сам-то дед пошто не явился? Худо мне одному тут. Заедают все, кто ни попадя. Каждый норовит покуражиться, а заступиться-то некому, – промолвил отрок, печально потупив голову.

Юра взял мальчика за плечи, развернул спиной к камню.

– Сходи до деда да ворочайся побыстрей, нам еще ехать надобно к жилью какому-нибудь. Но про меня ни слова другим людям. Хорошо?

– Хорошо, хорошо, боялин, – обрадовался мальчонка.

Капитан толкнул внука Елея, и тот, запнувшись о камень, кубарем залетел в колдовской чум.

2006 год.

Следователь прокуратуры Багаутдин Точиев, пройдясь по следам до торчавшего из снега камня, обошел его вокруг, внимательно разглядывая следы. Огляделся. Вокруг расстилалась безмолвная снежная пустыня, и только изредка ветер волнами доносил гул факела.

Подняв окуроч, припорошенный снегом, он аккуратно положил его в пакетик, где уже лежало штук пять таких же чинариков-близнецов.

Следак медленно пошел по следам обратно к чуму, и тут его неожиданно обогнал мальчик, который, не останавливаясь, с криками: «Дедушка! Дедушка!» – ринулся к оленеводу.

– Тухтачик! Тухтачик! Внучек мой! – отозвался было, поднимаясь с корточек, Елей, но тяжелая рука человека в маске жестко осадила его,

– Сидеть! – клацнул железными челюстями спецназовец.

Следователь обернулся, мальчик взялся из ниоткуда.

Пройдя назад к камню, прокурорский работник обошел его вокруг.

– Не трогай камень! Это могила шамана! Сам камнем станешь! – раздался крик старого оленевода.

Багаутдин, уже протянувший руку, чтобы стереть снег со знаков, нанесенных на валуне, резко её одернул.

– Уважаемый, ехать обратно надо, вот-вот темнеть начнет, – тронул его за рукав водитель судна на воздушной подушке.

– Да, да, поехали, нам еще на буровую заехать нужно, – согласился следователь и быстрым шагом пошел к вездеходу.

– А с этими что делать? – щелкнул челюстями гоблин в маске, кивнув в сторону Елея и Тухтачика.

– Они мне не нужны, поехали...

Вскоре, подняв облако пыли, судно на воздушной подушке двинулось в сторону мерцающего факела.

1631 год.

Русский царь встретил степных послов сухо.

А как приветить-то?

Негоже к царю-батюшке являться с пустыми руками. И если бы не ходатайство Мезенцева, не сдержал бы он гнева.

Ваулихан же, отбив поклоны, сказал, что дары от хана находятся в Тобольском приказе. А сам он шел Сибирью, тайно, чтоб не попасть в руки черемисам, кои смуту затеяли. Поблагодарив русского царя за гостеприимный приют, Ваулихан не забыл подметить, что поселили его в той же избе, что и когда-то при царе Борисе Годунове: с его сыном, малым царевичем, они список Сибири когда-то правили.

Михаил Федорович потеплел. Велел принести обед и предложил разделить с ним трапезу.

Многое обсудил с молодым царем Ваулихан. Передал просьбу хана поставить еще острожки на Ионесси, чтоб упредить джунгар в их намерении расселиться в восточной степи. Пообещал ходатайствовать пред ногайским мурзой о согласии на строительство русского острога у реки Самарки, дабы защищать степной народ от вольных воровских людишек.

Постепенно разговор пошел об общем минувшем времени. И Гаджи-Ата приступил к повествованию о далеком прошлом, когда было одно царствие и люди от моря до моря разговаривали на одном языке.

– Неуж пребывало такое, почтенный аксакал? – удивился государь Михаил Федорович. – Мыслимо ли такое, чтоб от моря до моря люди на одном языке молвили и понимали друг друга?

– Так и слова общие до сей поры имеются, токмо многие им значения не придают, государь, – поклонившись, ответил Гаджи-Ата и продолжил: – Вот замыслил ты, государь, на речке Самарке острог строить, а что такое Самар, поди, и не ведаешь.

– Ну-ка, ну-ка, просвети неуча, – улыбнулся государь, – я ведь, ей-богу, не ведаю.

– Есть на востоке город древний, Самаркандом называется.

– Ведаю про такой.

– Так вот, самар – это камень, канд – город. Речка же Самарка есть и на Волге, и на Иртыше и переводится, стало быть, как речка Каменка на ваш ляд, – улыбнулся Гаджи-Ата и, пригладив седую бородку, подвел итог беседе, – а знамо, и вот он, один язык, от моря до моря.

– Значит, и правильное место подобрано для основания крепости: раз речка Каменка, то и камень весьма имеется для нужд строительства, – подал голос с лавки скромно сидевший все это время боярин Морозов. – Главное – мурзу склонить, чтоб дал согласие.

– Я позабочусь об этом, государь, – заверил Ваулихан, поднимаясь, – благодарствуем за теплый прием, и позволь нам откланяться. Домой поспешать надобно, ведьм вскоре дороги развезет так, что и верхом не проехать будет.

– Да, весна нынче ранняя, поспешайте, а боярин Морозов поможет вам собраться и дары хану соберет, – согласился Михаил Федорович, отпуская посла.

Сибирь.

Обдорский острог.

Яна подала полушку хозяйке постоялого двора:

– Нам бы баньку истопить, а то почитай месяц в дороге, все снежком да снежком умываемся.

– Откель же вы добираетесь, сердешные? – охнув, поинтересовалась хозяйка.

– Из Мангазеи, матушка. Мужу моему, десятнику Сибирского войска Антипушке, отставку дали, вот на Дон и возвращаемся.

Хозяйка испуганно прикрыла Яне рот ладошкой.

– Ты про Дон-то поменьше сказывай, беспокойно там ныне. Всем, кто туды подался, сыск и дознание чинят приказные дьяки. И мне ты ничего не сказывала, так как упредить я должна немедля дьяка, если что прознаю. А вы семья дружная, видно, и муж у тебя степенный, и дите смышленное, негоже вам на дыбах висеть.

– Благодарствую, хозяйюшка, за упреждение, – поклонилась Яна и, сунув еще одну полушку в ладошку хозяйки постоялого двора, повернулась к сыну: – Ну-ка, беги к батюшке в избу съездную, упреди, чтоб тот лишнего не сказал. Баня затоплена, я, мол, мыться зову.

– Понял матушка, сейчас сбегаяю.

Но тут с облаком пара из сеней в избу ввалился Антип. Обметя с кисов снег веником и поставив его к стенке, он подошел к печи и прислонил ладони к теплым кирпичам.

– Продал я оленей, купил две гужевые лошадки, двое саней и пристяжного коня в придачу. У всех подковы зимние, по три шипа на каждой. Лошадки хоть и ростом не вышли, но тягловые, а конь – огонь, пока удило ему вставлял, два раза за руку тяпнул. Поколе распутица не началась, надобно торопиться.

– Вот в баньку ходим, я портки вам постираю, высушу, через день и тронемся до Тобольского острога.

– Ты что, Яна... – повернулся к ворожее казак, но, получив в бок локтем, осекся.

– Аня я на людях, Анна.

Хозяйка, улыбнувшись, вышла, при этом напомнив, что баня через час будет готова.

Яна закрыла дверь на крючок, сняла платок и, разгладив свои белокурые волосы, попросила.

– Емелюшка, там во дворе ель растет, сходи, сынок, коры рубани кусочек. Волосы мне надобно переукрасить, уж слишком приметная я для сих мест.

Дьяк Воровского приказа рвал и метал. Ревела белугой и побитая посохом хозяйка постоялого двора.

– Была в острожке ворожея, была, да сплыла. Ищи теперь ветра в поле. Но ведь как всех провела шельма! – сетовал царский служка.

– Пришли из бани, дверь на крючок – и до полудня тишина. Все думали, спят с дороги постояльцы, умаялись, – оправдывалась побитая хозяйка постоялого двора.

Упрежденный хозяйкой дьяк заявился только к обедне. Стрельцы ножичком поддели крючок, а изба-то пустая.

Вернувшийся с дальнего дозора стрелецкий десятник доложил, что прошло через кресты² два обоза, один – на Холмогоры, другой – до Тобольского острога. Белокурых баб не было. Была одна татарка – черная, как смоль, да еще с грудничком. А ворожеи и след простыл.

Когда стрелецкий разъезд скрылся из виду, Антип повернулся к Яне:

– Ты топор-то из одеяльца вынь, а то и впрямь как ребенок укутанный, ну прям запищит вот-вот.

Яна отложила на сено свернутое пакетом одеяло, заправила черную прядь волос под шаль и, улыбнувшись, прижалась к спине Антипа:

– Нехай теперь белокурую бабу сыщут, ротозеи, вона как еловая кора волос-то мне очернила.

Глава 4

Никитий открыл глаза, поежился и вновь попытался уснуть. Но сон не шел. Ведун встал с лавки и, сунувши ноги в чуни, прошел к печи.

Печь почти прогорела, и только несколько угольков, изредка багровея, подавали признаки жизни. Кинув на еще тлеющие угли горсточку мха и сложив поверх обрывки березовой коры, старец подул в печь. Слабое пламя озарило лицо отшельника.

Подождав, когда кора займется, Никитий уложил по бокам пламени два полена, а третье и четвертое возложил поверх этих двух. Получился колодец, в котором сразу же загудел разгорающийся огонь. Прислонив откованную еще Архипом заслонку, он дополнительно выдвинул задвижку в дымоходе. Глинобитная печь ожила, заохав и заурчав, наполнила приятным жизненным уютом спящую еще, остывшую за ночь избу.

В оконце через бычий пузырь пробивался слабый свет утреннего восходящего солнца. Солнечный лучик бил в противоположную стену, и в нем виляла и роилась поднятая Никитием пыль.

– Надобно перед приездом гостей уборку навести, – пробурчал старец себе под нос и, взяв с полочки гусиное крылышко, обмотанное дерюжкой, сунул его в деревянную колоду с водой. Намочив и стряхнув лишнюю жидкость, ведун прошел по углам, собирая тенету и пыль.

Сегодня отшельнику явился во сне князь Гостомысл, сообщив, что на подъезде к нему человек из другого мира и что надобно ему, Никитию, обучить данного мужа премудростям нынешнего времени.

Долго напутствовал Гостомысл старца и в окончании разговора предупредил, что этот человек прибыл с особой миссией, о которой князь поведаст позже.

Никитий, накинув на плечи овчинную безрукавку, вышел на крыльцо. Где-то внизу, в пойме Оби, застрекотали сороки, подавая знак старцу о чужом присутствии.

² Кресты – перекресток.

Вскоре послышался звон бубенцов, и две оленьих упряжки поднялись по оврагу к избе. В одних нартах спал человек, а на полозьях погонщиком стоял мальчик. Вторая упряжка со скарбом была пристяжной. Олени, тяжело дыша, завертели мордами в поисках еды.

Никитий сходил под навес и принес охапку веток, покрытых ягелем.

– Опося, как отдышатся, воды им дашь, колодец вон там, – показал мальчику рукой старец и, погладив его по капюшону малицы, поинтересовался: – Как величать-то тебя, чадо?

– Тухтач меня звать, деда.

– Путник твой на нартах, это человек с другого мира?

– Да, отче, он всю ночь правил упряжками, умаялся шибко, спит тапереча.

– Будить всяко нужно, поднимай его, и айда в избу харчеваться, проголодались небось дорогой-то. Только оленей в загон загони, мишка у меня тут в яме спит ручной, они-то не ведают, что он добрый, разбегутся с перепугу, коли проснется.

– А что, просыпаются медведи ужо? – удивился подросток.

– Нет, дикие еще спят, а мой чуткий, надолго не уложишь. Ты же его должен помнить, вы его всем стойбищем на лесину загнали, да только убег он от вас.

– Это тот, что коготь оставил?

– Он самый.

– Ищут тебя, отче, дьяковы люди, именно по следу медведя твоего и на тебя сыск учинили.

– Ведаю, Тухтачик, ведаю, что ищут, но не знал я, что примета у них опричная на моего Хвому имеется, спасибо тебе за упреждение.

Урочище Белого Табуна, Зауралье.

(ныне Курганская область)

Отряд боярина Афанасия Пашкова окончательно сбился с пути. Провожатый татарин, пользуясь неразберихой в буране, прихватив пристяжную лошадь, сбежал.

Молодой воевода приказал загнать обоз на поляну в березовый лесок, там ветер был слабее, где в закутке и разбили бивак. Стан решили строить основательно – с избами и частоколом для защиты от кочевого народа. Необходимо было ждать начала лета и по первой траве, когда подножного корма лошадям будет вдоволь, двинуться далее на восток.

Выполняя указ государя, Афанасий Филиппович разыскивал соленое озеро, по берегам которого простирались залежи соли, очень необходимые Руси.

Доставлять соль из Крыма с каждым годом было все тяжелей и тяжелей. Хан Гирей посылал отряды, которые разоряли обозы. Соли катастрофически не хватало. Цена на нее была заоблачная. А ведь без соли-матушки никуда, рыбу и мясо не присолить, капусты и грибочков не припасти, яблок моченых не заквасить. Куда не ткнись, везде нужна она, родимая. Совсем беда без соли, голод. Вот и послал отряд государь Михаил Федорович в поисках соляных запахов. Благо Мезенцев раздобыл списки земель за рекой Тобыл. Но, как в пословице, гладко было на бумаге, да забыли про овраги. Вот и встал обоз, заплутавши и сбившись с дороги.

Метель стихла через трое суток, и боярину предстала красочная сторона с березовыми околками и ровными землями.

Мартовское солнце припекало. Мастеровые, скинув армяки и тулупы, работали в одних рубахах. Звенели топоры, хрипели лошадки, подтягивая бревна к возводимым срубам. На первые венцы изб разыскали сосны, остальные клали из осины.

Афанасий ездил верхом и давал указания.

– Двери собирайте с петлями на правую руку. Коль татарин ворвется в острожек, несподручно чтоб ему было дверь открывать в сени. На себя левой рукой потянет, а сабелька-то в правой руке обычно, вот всю грудь-то и откроет для удара. А сени стройте узкие, чтоб ворогу с копьем не развернуться и толпою не ворваться.

– Молод наш боярин, да хваток. При осаде Москвы ляхами дюже храбро себя проявил, вот и благоволит ему государь. Только лют шибко, уж больно строг и щедр на плети, – поговаривали мастеровые меж собой, косясь на тиунов, рыскавших среди стройки, подслушивая крамольные речи.

Холоп Тишка опекал и пестовал своего боярина с пеленок. И верховой езде обучал, и на саблях драться. Порой и спесь гасил, когда, упиваясь властью, перегибал юноша палку. Ну а где и наушничал на неугодных да спесивых людишек. Все ведал Тишка. Остерегались его вездесущего глаза даже сотники с десятниками, не говоря уже о черни бесправной. Порой он решал судьбу того или иного человека, нашептывая боярину, как поступить надобно.

– Ну как тебе, Тихон, новая изба? – спросит, бывало, потянувшись спросонья, хозяин на новом месте.

– Хороша избенка, токмо гробами пахнет, не люб мне запах свежеструганного дерева, прикажи, пушай девки полынью стены да полы вымоют, – подаст с печки голос Тихон.

И забренчали ведра, запахло в доме полынью пареной.

– Ну, каково тапереча, нянька? Не пахнет покойником?

– Получше стало, Афанасий Филиппович. Пушай еще баранинки сварят, совсем изба обживется, – подавая одежду боярину, посоветует холоп.

Вот так и живут, вроде бы не перечит холоп Афанасию, а свою волю все же каждый раз навязывает.

– Давеча татар верховых дозор видал, только не ввязались они в свару, осторожничают, да и своим я строго-настрога указал не забижать понапрасну местный люд, не задираться першими, – присев за стол, проговорил Афанасий.

– Ты б бородку-то причесал, Афанасий Филиппович, а то с крыльца всех татар и распугаешь, – подавая щи, промурлыкал холоп и, вздохнув, добавил: – Капуста да вода, вот и щи, хоть портки полощи. Так пойдет, придется и коней ездовых резать. Сидел бы ты дома, куды тебя в Шыбыр черти понесли? Сам напросился у государя в поход и люд охочий с толку сбил. Стрельцам да казакам хоть жалование идет, а эти... что поспел, то и съел.

– Не попрекай, Тихон, плеть по тебе сохнет.

Тишка улыбнулся беззубым ртом и, ломая лепешку, гася нарастающий гнев боярина, ласково прошамкал:

– Так нет же округ никого. Когда народ при тебе, Афанасий Филиппович, тогда я нем ако немец и при людях тебя не пестую. А вот капустку-то вечерошнюю из бороды-то вычеши, негоже воеводе на люд выходить так. Тем более не доедают твои холопы, буза пойдет.

Афанасий провел рукой по бороде и, улыбнувшись, пошутил:

– Ты, поди, нянька, мне капусту и прилепил, покуда я спал, вот измываешься таперча.

Заскрипели доски в сенях, и без доклада в избу с облаком пара ввалился стрелецкий сотник Матвей.

– Конец голоду, Афанасий Филиппович! Мужики давеча прорубь пробрили на озере, пошли сегодня лошадей поить, а оттуда рыба прет! Округ полыньи на три сажени плещется на наводи, ступить некуда. Воз лопатами накидали, а она все идет и идет из полыньи! Ну прям небывальщина какая-то.

– Замор это. Матвей Архипович, видали мы с его батюшкой Истомой такое чудо, – вставил умное слово Тихон и добавил: – Токмо рыбку-то не сохранить нам, надобно бы ледник копать да лед туды ложить, соли-то нет. Пропадет улов.

– Ну это мы за день сробим, – присаживаясь на лавку, заверил сотник. – По уму все сладим. И яму выкопаем, и стены срубим из сосны, и льда навезем. А вот с солью-матушкой совсем беда. У меня у самого три осьмушки в запасах осталось. Никак мы это озеро соленое найти не могём, медведь его задери. Уж верст двадцать округ наши разъезды объехали, кругом токмо одна снежная пустынь. Надо бы местного людишку попытать. Так прячутся татары от нас, уходят от встречи, осторожничают.

Афанасий поднялся, принял на плечи шубу, поданную Тишкой, и, случайно брякнув ножами сабли о лавку, пригнувшись, вышел в сени. За ним поспешил сотник, а следом выбежал Тихон.

– Коня боярину! – заверещал он с крыльца конюхам. – Поспешай, коты нерасторопные! Подвели коня, и воевода, всунув ногу в стремя, ловко запрыгнул в седло.

– Айда на озеро! – крикнул он и, стегнув плеткой коня, с места взял в галоп.

Поднимая копытами лошадей снежные комья мартовского снега, вдогон пустились Матвей Архипович и Тишка.

Мужики, увидев подъехавшего воеводу, сняли шапки и затараторили:

– О как, Афанасий Федорович, уж седьмой возок с карасем и гольяном отправляем. Богатое место на рыбу. А карась-то один в один весь шестипалый, да и глина для печей по берегу ладная. Деревеньку бы основать тута.

– Неволить не буду, вы люди охочие, желаете осесть тут – обживайтесь. Токмо вот сначала соленое озеро найдем, будь оно неладно, я на доклад к государю помчусь, а вы тут оседайте. Казаков оставлю для охраны.

– Благодарствуем, – наперебой загалдели мужики, – а поселение в честь тебя, боярин, назовем. Пашково, стало быть.

– Буду весьма польщен, – покраснев, ответил молодой воевода и, развернув коня, направил его в сторону свежесрубленных изб своего поселения.

Глава 5

Ивану Сотникову привиделся во сне князь Гостомысл.

– Здравствуй, любимец мой Ванюша. Не хотел я тебя беспокоить, но сослужи-ка мне, отрок, еще разок. Видно, без твоей подмоги не обойтись ныне.

– Рад исполнить волю твою, отче.

– Заверни к Никитию в избу, там человек у него из другого мира, Юрием звать. Возьми с собой его в путь долгий. Без тебя, Ванюша, заплутается он в этом мире, не приживется. Без него не найти соленое озеро Афоньке Пашкову. А коли не найдет холоп государев озеро заветное, великий мор на Руси настанет. Да и люд охочий на новых землях не приживется.

Князь помолчал немного и продолжил:

– Чернявый Юрий на лико, татарскую мову знает, представишь его мурзой Юсупом, сыном Ибрагима, друга твоего отчима.

– А коль не поверят мне, отче?

– Отдай ему перстень аркара Исатая, пушай его на перст наденет. Блеснет мурза Юсуп как бы ненароком им при встрече с Афонькой, тот и поверит, знает боярин таким драгоценностям цену. Ибрагим-то названным братом Филиппа Пашкова был. Стало быть, названные они братья с Афанасием Филипповичем. И Тишка, холоп Афони, тоже помнит, как парубок татарский утопающего Фильку в отрочестве спас. Вот и сведешь Юсупа с Пашковым. Пушай при нем и

останется. Возвращаться ему в свой мир никак нельзя, убьют его кровники. Но и в этом мире шила в мешке тоже не утаить. Прознает степь, что мурза Юсуп объявился, тут-то вороги у него и появятся. Царевич Алей, сын убитого Ибрагимом Кучум-хана, пошлет убийц, вот тут-то ты, Ваня, и пригодишься. Будь, пока не освоится, ему верной подмогою.

В оконце заглянул лучик солнца. Гостомысл нежно погладил по голове своего любимца и, поднявшись с лавки, грустно произнес:

– Пора мне, Ванюша, рассвет брезжит. Коль понадобится, вспомни про колокольчик без била, который у Никития возьмешь на время. Им позвони, я и явлюсь к тебе, но токмо звони, когда нужда приспееет.

С этими словами ведун отошел в сторону, и образ его растворился.

А Иван, проснувшись, присел на лавке.

– Отче, ну что же так мало был со мной. Почто так быстро рассвет наступил, – вздохнул он с досадой.

Крым.

Дворец хана.

Хан строго посмотрел на склонившегося в поклоне своего визиря.

– Недоимки у нас по торговле солью, почтенный. Тьма хипл скопилась в амбарах, жалуются наши торговцы, спрос упал. От того и в казну прибыль не поступает.

– Господин, москвиты, что являются главными закупщиками, сократили число обозов. наших купцов в диком поле казацкие шайки разоряют. Царь Михаил от них отрещивается: «Мол, не мои это людишки. Неподвластные они мне».

– А обозы с зерном за службу верную шлет им лукавый, – усмехнулся Гирей.

– Вот-вот, великий хан, хитрит московский царь, – продолжил, выждав паузу, визирь. – Но не в этом беда, господин, беда в том, что москвиты в Сибирское ханство дорогу проведали, а там соленых озер множество. Если не упредим их, на веки вечные урус соль у нас брать перестанут. Стало известно, что боярин Пашков с отрядом стрельцов в триста сабель в Сибирь пошел. А еще с ним казаков сотня и охочих людишек душ двести. Повели, великий хан, четыре джагуна³ ногайцев в Сибирь послать.

– У тебя есть на примете такой отряд?

– Да, великий хан, есть. Это воины, что из Дербента осенью пришли. Рвутся они в поход, засиделись в Адисе^{4**}. Да и жалование им нечем платить, пускай они сами себя покормят.

– Согласен, – перебирая четки, вздохнул Джанибек Гирей. – Но не мало ли воинов ты хочешь послать?

– Достаточно, великий хан, чтоб разогнать обоз урусов. На Дунае беспокойно, не можем мы дать им в подмогу янычар. Каждый воин на счету. Не окрепли мы еще после битвы под Молодью, сильно большой урон понесли от князя Воротынского.

Сибирь.

Яна, показав рукой на небольшое стадо косуль, приглушенно обратилась к сыну:

– Ну-ка, Емелька, стрельни-ка одну, на привале мяска свежего отведаем.

Антип потянулся было к прикладу своей пищали, но атаманша его упредила, положив свою ладонь на кисть отставного десятника.

³ Джагун – сотня воинов.

⁴ ** Адис – ныне Темрюк.

– Пушай Емельян попытает удачи, а ты, Антипушка, с саней сойди да под узды лошадку нашу возьми, а то рванет ненароком животина, выстрела испужавшись.

Антип спрыгнул с саней и, прикрываясь крупом лошади, повел ее в поводу. Емелька вскинул ствол и, слегка прицелившись, спустил кремневый курок своего мушкета. Грянул выстрел.

Лошадь дернулась, но Антип, удержав ее, успокоил, погладив рукой по морде. Дым рассеялся, и только белые попки косуль, отдаляясь, засверкали по полю.

– Видно, Емелька, стрелок из тебя, как из навоза пуля, – усмехнулся Антип, разглядывая опустевшее поле.

Но стадо косуль почему-то развернулось и вновь понеслось на путников. Антип подбежал к саням, крикнув Яне: «Держи вожжи!» – и, схватив свою пищаль, подготовил ее к выстрелу. Стадо приближалось, десятник приложил тлеющий трут к пороховой ложе пищали.

– Татары! Не стреляй! – закричала Яна, но Антип уже выстрелил.

Самец, бежавший первым, рухнул в снег, остальное стадо, взяв чуть в сторону, перемахнуло через санный след.

На горизонте виднелся конный отряд в десять сабель.

– Заряжай, Емелька, – крикнул десятник пасынку и сам стал протирать шомполом ствол своей не остывшей еще пищали.

Яна вытащила из сена кольчугу и кинула сыну:

– Надевай.

Сама же, достав утятницу, укрылась за корзиной со скарбом. Страху не было. Люди, привыкшие жить в условиях постоянной опасности, готовились принять бой.

Всадники приближались, охватывая полумесяцем одинокую санную упряжку. Выдвигаясь со стороны восходящего солнца, они, пустив коней шагом и изредка показывая ногайками в сторону путников, о чем-то гоготали меж собой.

– Емелька, погоди-ка чуток, пока я не выстрелю, и бей опосля меня першого всадника по левую руку, – жуя соломинку, указал пасынку Антип, – я же пальну крайнего по правую руку.

– А ты, моя любушка, – улыбнувшись Яне, посоветовал, – лупи опосля нас сечкой по коням в середку. Снег нынче мокрый, вязкий, в галоп кони не пойдут по целине, так что успеем перезарядить. Главное – при повторном зарядании посчитайте до двадцати, чтоб все угольки в стволах потухли, а то заряжать начнешь, а ствол в руках и разорвет. Спешка нужна только при ловле блох, а тут, в огненном бое, степенность соблюдать надобно.

– А може, мимо проедут? – стуча от возбуждения зубами, шмыгнул Емелька.

– Ага, жди Петра до утра. Эти-то точно наши гости, – и, желая успокоить парубка, Антип толкнул его в плечо. – Тут я басен вспомнил, про гостей незваных. Пришли мурзы к царю-батюшке и просят: измени поговорку «Незванный гость хуже татарина», а то обижаются подданные твои. Царь подумал и издал указ – поговорку изменить и говорить отныне иначе: «Незванный гость лучше татарина!»

Емелька, перестав стучать зубами, рассмеялся:

– Так что в лоб, что по лбу, все едино.

Всадники остановились. Двое из середки, ткнув пятками в бока, отделились от десятка и так же степенно направились к саням. Один нагнулся над убитой косулей и, подняв за заднюю ногу, уложил ее впереди себя поперек седла.

– А ну! Не балуй! – крикнул Антип, выходя с пищалью из-за возка со скарбом.

– А то шо? – раздалось в ответ.

– Братцы! – опустив ствол оружия и срываясь на фальцет, крикнул отставной десятник.

– Кому братцы, а кому разъезд боярина Пашкова! – раздалось в ответ.

Но Архип, уже отложив пищаль на пожитки в саях, сняв тулуп и ударив шапкой оземь, ринулся по снегу к казаку, сидевшему верхом с косулей.

– Губа, едрит твою налево! И Ак Байтал под тобой! Ах вы, старые пердуны! Живы, безобразники!

И, обернувшись к Емельке, сотник улыбнулся:

– Опусть пищаль, казачки это, свои. И конь, про которого я давеча сказывал тебе, тоже тут.

Глава 6

Сибирь. Урман. Изба Никития.

Уж седмицу проживал в Никитиной избе Юрка. Общась со старцем, он постепенно вживался в новый образ. Теперь он мурза Юсуп, сын мурзы Ибрагима, который когда-то зарезал Кучум хана, и был побратимом с Истомой (Филиппом) Пашковым.

Мурза есть царевич, а царевич свою родословную должен знать до двенадцатого колена. Вот и корпел мурза Юсуп, заучивая имена, даты и прошлое своих родственников. А Никитий пестовал его, каждый раз требуя повторить какой-нибудь эпизод из жизни своих родственников.

– Ну-ка поведай мне, мурза Юсуп, на какой реке стоял аил твоего деда Сабира?

– На реке Яман, в Ишимской степи, отче, – отвечал Юрка-Юсуп.

– Верно глаголешь. А с кем Ибрагим вышел на кулачный бой супротив кузнеца Архипа?

– С ногойским мурзой Самедом. И были они вместе отпущены Ермаком из плена. И побратались навеки.

– Добре усвоил. А ведаешь ли, мурза, почему тебе легко дается все это?

– Может, память хорошая?

– Кровь твоя помогает тебе. Потомок ты мурзы Ибрагима и близкий родственник правителя Сибири – Едигер хана. А так как Едигер хан и Бекбулат были братьями, Ибрагим – племянник Бекбулата. Вот и получается, что Кучум хан – ваш кровник. И стало быть, сын Кучума, Алей, – кровник твой. Как только царевич Алей прознает о твоём появлении, сразу станет тебя разыскивать. Отомстить пожелает тебе за смерть отца своего.

Но есть, Юсуп, и друг у тебя, Аракелом величают, он родственник Самеда, а идет он в Сибирь из Крымского ханства и ведет три сотни воинов, дабы побить отряд воинов воеводы Афанасия Пашкова. Вот и сходится, что только ты можешь остановить и развернуть вспять отряд ногойцев. Помочь надобно воеводе Пашкову пустить корни на земле Сибирской. Он дошел до Царева кургана, но, заблудившись с обозом в метели, прошел на восток чуть ли не на сто пятьдесят верст.

– А коль не примет меня воевода? Не поверит, что отцы наши – братья названные? – усомнился Юрка.

– Примет. Есть у воеводы холоп по имени Тишка. Нянька его. Будет тебе допрос он чинить. Вот и расскажешь ему тайны тайные, которые токмо в роду Пашковых и ведают, да хранят за семью печатями. Особливо расскажешь, как батюшка твой перший раз спас Истому, когда он тонул в речке. А во второй раз грудь подставил, приняв стрелу, в Истому пущенную. Для пущей веры расскажешь, что под Казанью у Истомы конь был о белых чулочках на передних ногах. Афоня Пашков поверит, он в отрочестве первый раз в седло сел на него, должен помнить сего коня. Ну а самое першее в нашем деле – на пальце твоем будет перстень чингизида. Такие перстни простолюдины не носят. Аркар Исатай его подарил Ванюшке, когда

он Ваулихана, сына его, вылечил от немощи лютой. Ваня уже на подъезде. Передохнет он с дороги, познакомитесь, и через несколько дён пуститесь в путь.

Вблизи Царева кургана.
(Ныне город Курган)

Аракел натянул поводья, привстал в стременах. Впереди, кроме снежной дымки и бескрайней степи, показались темные пятна. Это были лесные березовые околки. Три сотни усталых джигитов ждали команды своего баскармы.

– Привал! – распорядился Аракел. – Ставьте походные юрты. Встаем на отдых в три луны! Тут есть под снегом сухая трава, стреножьте коней, пускай отдохнут и покормятся.

Стремянной Аракела отвел расседланного коня, и командир отряда присел на седло, которое уже лежало на снегу. Грустные мысли пришли как утренний туман. Крымский хан послал Аракела с его воинами искать русичей, отряды которых разведывали земли за рекой Тобыл в поиске соленых озер.

Великий хан лукавил. Воин понимал, что весной в Крыму каждый рот хуже стаи саранчи. И содержать триста воинов невыгодно тощей казне. Вот и сплавил он отряд Аракела в дали неведанные. По рассказам своего отца, мурзы Самеда, воин немножко знал о стране Шыбыр, но пришел он сюда впервые. Бескрайние снежные степи выжигали глаза воинам своим ярким светом. Иногда на протяжении всего дневного перехода отряд не встречал на пути айлов степняков. Царило полное безмолвие. Это угнетало. Одно лишь развлекало и отвлекало воинов от мрачных дум – это охота. Непуганые табунки косуль подпускали к себе верховых на расстояние выстрела из лука. И потому вечером каждого дня пути всегда в походных казанах варилось свежее мясо.

Но с каждым днем настроение воинов его отряда заметно ухудшалось. Основной причиной являлось отсутствие добычи. Урусы будто растворились в этой снежной пустыне. Отряд Аракела до сих пор не встретил ни одного поселения русичей.

Подошел проводник. Поклонился и, показав на восток, сказал:

– Там урус. У них много дом. Стена высокий. Много добыча, очень много пушны. Обоз на Москва еще не ходил, вся добыча там.

– Якши, – кивнул Аракел. – Воины отдохнут, и мы нападём на них.

Острожек воеводы Пашкова.

Афанасий Пашков прохаживался у крыльца воеводской избы. Слух о появлении в зауральской степи трех сотен крымчаков дошел и до воеводы. Причем вести были из разных источников. Крымчаки уже пожгли и пограбили два поселения у Царева кургана, само же поселение у кургана отбило три приступа, и татары откатились зализывать раны в степь. Где снова они появятся, никто не ведает. Поэтому воевода велел усилить караулы, укрепить частокол, усилить коваными пластинами ворота. Запаслись и льдом из озера, поместив его в ледник. При осаде вода нужна пуще пищи. А снежок в степи начал подтаивать. Того и гляди трава пойдет.

Вчера вечером дозорный отряд обнаружил в степи переселенцев. Отставного десятника с женой и сыном. Воевода в беседе с Антипом узнал новости Тобольска и Мангазеи. Антип же согласился остаться в поселении до конца лета. Одной саблей прибыло, хотя и юнец у него не промах: и в седле держится, и стрелять из пищали горазд, рассуждал Афанасий.

Частокол острожка был выполнен в виде шестиконечной звезды. Это давало преимущество сдерживания натиска при осаде, так как каждый пролет стены контролировался с другого пролета стены. При таком построении обороны в спины осаждавших звучали выстрелы из пищалей. И укрыться под стеной в мертвом пространстве было невозможно. Впоследствии почти все острожки и крепости Горькой линии имели такие же формы. Афанасий Филиппович строил острожки по Свяжской схеме – сборно-разборными конструкциями, что уменьшало риск внезапного нападения на стройку. Этот метод когда-то при Иоанне Грозном помог возвести острог Свяжск, который впоследствии послужил базовой основой для штурма Казани.

Раздался скрип открываемых ворот. И в острог въехал верховой дозор.

– Воевода, радуйся! Нашли мы соленое озеро! – спрыгивая из седла, доложил старший дозора Иван Медведь. – Огромное-преогромное! Соленое-пресоленое! В длину верст 20, а то и поболее будет. Соль по берегам на пятьдесят саженей лежит. Завтра с утра разведем, что округ его деется.

Пашков хлопнул по сапогу хлыстом:

– Благодарствую за новость радостную. Тебе, Медведь, шубу жалую, остальным велю барашка приготовить.

Стоявший рядом писарь обратился к воеводе:

– Как записать сие озеро на списке земли, боярин?

– Так и запиши, Медвежье. Знамо, будет о Иване память потомкам. И государю отпиши от мово имя, что его наказ исполнен, пушай обозы за солью шлет, нечего более Крымскому хану кланяться. Сами с усами.

Глава 7

Сибирь. Урман.

Ваня приехал под вечер. Загнал в загон оленей, кинул им ягеля. Подошел к избушке. Дверца распахнулась и на крыльцо вышел Никитий. Ведун принялся обнимать и тискать Ваню.

– Ванюшка! Родненький! Мы уж заждались тебя. Почитай месяц ожидали. А на дворе-то март. Зимники упадут, как добираться будете?

– Успеем, дядько Никита. До Пелыма на оленях дойдем, а там лошадьми разживемся.

Иван вырвался из объятий отшельника.

– Ну будя, будя, дядько, и так всего своей мокрой бородой вышаркал.

– Это я о твою бородку ее замочил, ишь как возмужал! В плечах раздался, борода отросла, – улыбнулся, любуясь своим учеником, Никитий. – Ну проходи в избушку, проходи. Я тебя сейчас груздяночкой попотчую. Она у меня на шелушенном ячмене, да с груздочками солеными, с губой лосиной.

– А Хфомка где? Чет следов не видать, – посмотрев по сторонам, поинтересовался Ваня.

– Спит шельмец, поздней осенью, как озера и реки встали, он и завалился в ледник. Благо там сухо было. Вот и жду, когда пробудится, чтоб льда туда успеть натаскать до тепла.

– Да какой лед, он за зиму так насмердит, что лед псиной будет тянуть, потом и рыбу кушать не захочешь.

– Собак кормить пойдет.

Ваня, пригнувшись, протиснулся в дверной проем. За столом сидел незнакомый человек. Иван снял шапку, поздоровался первым.

– Здрав будь, добрый человек. Меня Иваном кличут.

– И тебе не хворать, Ваня. Юсупом меня величают, а меж собой зови Юркой.

Иван при свете лучины присмотрелся к лицу нового знакомого.

– Вот встретил бы тебя не тут, в избе, а в другом месте, и решил бы, что это дядька Ибрагим воскрес. Похож уж больно ты на него.

– Так он и есть потомок мурзы Ибрагима. Кровь родная, вот и схожи ликом, – раздался за спиной Ванюшки голос ведуна.

Никитий прошел к чувалу, достал чугунок ухватом и прямо с ухватом прошел к столу. Иван взял с полочки глиняные миски, расставил на столе.

– Помню, помню я твою груздянку, дядька Никита. Хорошо готовишь, ни у кого так вкусно не получается.

– А я сметанку туды кладу из оленьего молока, вот и наваристо получается.

– Сметану? Из оленьего молока? – удивился Юсуп.

– Ну да, сметану. Коров-то у нас нетути. Подою олениху, крынку поставлю на полку и жду, когда отстоится, а опосля вершки сметаю. Вот вершки-то и кличут сметанкою. А ты что, Юсуп, не слыхивал, что ли, ранее?

– Слышал, просто не задумывался, почему сметану сметаной называют.

– Вот чудак человек, у вас там, в другом мире, совсем от жизни отошли. Простые истины не ведаете, – удивился Никитий и продолжил: – Кушайте, кушайте, скоро вам на сухарях да солонине сидеть всю дорогу до Царева кургана.

Острог. Вблизи озера Медвежье.

Вечерело. В ворота заехал дозорный разъезд.

– Запирай ворота, – крикнул на ходу Медведь и направил коня к воеводской избе. Спрыгнув с коня у крыльца, старший дозора вбежал в сени.

– Татары, боярин. Сабель триста. Встали табором в верстах сорока от нас. Наш дозор увидели, всполошились. А кони все стреножены да расседланы. Пока туды-сюды оне суетились, мы деру дали. Там два озера и меж ними проход узенький, мы по проходу-то и проскочили. А их дозор решил напрямки по льду нам, стало быть, наперерез, да кони у них по-летнему подкованные, без шипов, попадали они на наледи, как горох на тамбур. А токмо проход мы прошли, я на три части дозор разделил, и след в след, гуськом, в разные стороны по лесу разъехались. Пущай поплутают. Пока следы разглядывать примутся, уже стемнеет, так что раньше полудня до завтра не нападут.

– Уверен, что не пойдут в ночь по следам?

– Уверен, Афанасий Филиппович, ночью в темный лес татары не полезут. Он для них как ладан для черта. Не местные оне, крымчаки это.

– Кликай сотников и десятников на совет, – повернувшись к Тихону, распорядился воевода.

Тишка, не надевая зипуна, как был в безрукавке, выбежал из избы.

Вскоре, снимая шапки и крестясь на красный угол, стали входить в воеводскую избу сотники и десятники. Со словами «Здрав будь, боярин» они рассаживались по лавкам.

Вошел и Антип, огляделся, подыскивая себе место. Афанасий Пашков, глянув на него, указал:

– Сидай, Антип, у печи, меж сотниками и десятниками. Назначаю тебя старшим охочих людей.

– Благодарствую, – буркнул недовольно Антип, присаживаясь на указанное место.

Воевода, заметив его недовольство, разъяснил:

– Ты, Антип, не серчай, охочих и мастеровых у нас тут душ полтора, при осаде им нужен бывалый ратник. Людишки отчаянные, но малоопытные. Вот и займись ими, расставь по частоколу, объясни, что кому делать.

Антип встал, обращаясь к воеводе, промолвил:

– Перечить, воевода, я тебе не буду. Надобно так надобно. Но дозволю засаду организовать, чтоб спесь нехристям сбить. У нас лес поваленный лежит для домов, так вот – он как раз к татарам верхушками, а к острогу комелем. К нам ведьм одна дорога, по просеке. Там меж лесоповала две волокуши еле-еле разъезжаются, а значит, конный отряд пойдет вереницей по три лошади. Вот и растянется он на версту. Развернуться в бока им некуда, ветки еще не рублены, их кони не смогут сквозь сей бурелом итти. Потому и предлагаю по правую сторону засесть и пострелять их из пищалей, а уходить от них по озеру, подковы-то у них не шипованы, не догонят. Наша вылазка успеет в ворота залететь. Ворота же не закрывать, а поставить телеги и два наряда⁵, да и тут самых прытких встретить. Побьём их передовой дозор в самом остроге, будет двойная польза.

– А в чем двойная-то, Архип? – поинтересовался Губа.

– А в том, что татар меньше станет, – раз, и в том, что коней их постреляем внутри острога, – два, все больше мяса нам будет. Мню, что в осаде нам сидеть опосля долго придется, а в голодухе каждый воробушек с коровенку. Так что, Губа, не придется тебе твоего Ак Байтала под нож пускать.

Сибирь. Урман.

Утром, собрав пожитки, Ваня и Юсуп тронулись в путь. Когда оленья упряжка скрылась за поворотом реки, Никитий, тяжело вздохнув, присел на корягу. Он вновь оставался один. Но тут в спину между лопаток его кто-то толкнул. Старец обернулся и обхватил огромную шею медведя.

– Хфомка! Друг сердешнай! Проснулся. А вот Ваню ты проспал, уехал наш Ванюшка, теперь до осени нам его не увидать. Ну пойдем, я тебя рыбкой мороженой попотчую, исхудал в спячке-то.

Никитий поднялся и пошел к лабазу, следом засеменял медведь Хфома, оставляя следы на мартовском снегу. Отшельник обернулся.

– Да, друже, след у тебя приметен шибко, когтя на передней лапе нет. По нему нас в мгновение ока люди дьяка отыщут, коль из урмана выйдем. Как же это тебя угораздило покалечить лапу?

Никитий присел и протянул руку к поврежденной лапе. Медведь послушно подал лапу. Ведун осмотрел и радостно произнес:

– Так уж новый коготь у тебя лезет, братец, видимо, не с корнем ты его в прошлую осень сломал. Так что к лету отрастет, и опричная примета дьякам не поможет. Ну пойдем, пойдем, сердешный, рыбкой побалую.

У озера Медвежье.

Аракел поднял воинов с рассветом. Быстро собравшись, отряд в триста сабель направился к острожку русских. Четыре арбы с походными юртами, прочей утварью, с осадной малой фузеей и бочонком пороха на каждой двинулись следом. Пройдя узкий проход между двух

⁵ Наряд – пушка.

озер, конный отряд въехал в лес. Дорога теперь сузилась и проходила, петляя, меж деревьев. Вскоре по обе стороны показались ряды из поваленных деревьев. Деревья лежали ровными рядами верхушками и ветками навстречу, создавая искусственную засеку для прохода любой конницы. Ничего не оставалось, как двигаться по три всадника. Отряд вытянулся на половину версты. Сзади гроыхали повозки.

Как только повозки выехали из леса и начали двигаться по проходу между поваленных деревьев, на дорогу со страшным стоном и треском упали четыре березы, перегородив своими ветвями путь к отступлению. Тотчас грянул залп из пищалей, который задние ряды всадников приняли на себя. Упавшие лошади и люди перегородили проход к повозкам. Антип со своими людьми бросился к телегам, в сабельном бою порубив возникших татар.

– Поджигай сено на повозках! И бегом от них, сейчас порох рванет! – крикнул он людям с фитилями.

Емелька кинулся к лошадям и принялся распрягать первую пару. Антип, схватив пасынка за шиворот зипуна, потащил его в лес.

– Лошадей жалко! – пытаюсь вырваться, кричал в слезах Емелька.

– Дурень, не до лошадок ныне. Беги за засеку, сейчас конники пойдут на нас.

Аракел услышав залп, развернул коня. Облако дыма стелилось у опушки леса. Слышались крики людей и ржание лошадей. Его всадники в неразберихе крутились на лошадях, махая над собой саблями. И тут рванул бочонок на передней телеге, разметав в клочья и ее саму, и утварь. Перепуганная пара, присев на задние ноги, таща оторванные оглобли, выпучив от страха глаза, ринулась по дороге, сметая на пути всадников.

Аракел выхватил саблю и, понимая, что путь к отступлению перекрыт, дал команду двигаться вперед.

– Алга! – заревел он.

Передовые всадники последовали примеру начальника, и лавина ринулась в сторону острога. Позади послышались еще четыре разрыва: это взорвались три бочонка пороха и малая пушка, в ствол которой Антип успел сунуть свой мешочек с порохом. Обоз был уничтожен, раненые и убитые, люди и лошади смешались в сплошное месиво.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.